

**ДЕТЕРМИНИРОВАННОСТЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО ПРИНУЖДЕНИЯ
В УГОЛОВНОМ СУДОПРОИЗВОДСТВЕ**

© 2017

С.И. Вершинина, кандидат юридических наук,
доцент кафедры уголовного процесса и криминалистики
Тольяттинский государственный университет, Тольятти (Россия)

Ключевые слова: уголовно-процессуальное принуждение; правоохранительная сущность уголовного процесса; правозащитная сущность уголовного процесса; задачи уголовного судопроизводства; пределы применения процессуального принуждения.

Аннотация: В статье рассматривается связь между задачами уголовного судопроизводства и применением мер процессуального принуждения. Обосновывается вывод о законодательном закреплении двух типов задач уголовного судопроизводства: правоохранительных и правозащитных, каждая из которых оказывает специфическое воздействие на определение объема и содержания процессуального принуждения, как на досудебном, так и судебном производстве.

Закрепляя в ст. 6 УПК РФ назначение уголовного судопроизводства, законодатель, к сожалению, не сумел сбалансировать интересы общества и человека [1], отдав предпочтение его правозащитной сущности, свойственной судебному производству и распространив ее на все виды процессуальной деятельности. Как следствие, назначение судебного производства стало ориентиром всего уголовного процесса, в том числе и досудебного, нивелировав тем самым правоохранительную сущность предварительного расследования и уголовного преследования. Наряду с этим, отсутствие четко сформулированных целей и задач каждой части уголовного судопроизводства оказывает негативное влияние на определение содержания, объема и пределов применения процессуального принуждения. Эта проблема тем более актуальна, что речь идет о различных по своей сущности видах процессуальной деятельности: правоохранительном по своей сути предварительном расследовании, обеспечивающем раскрытие и расследование преступлений; и судебном разбирательстве, ориентированном на защиту прав и свобод человека и гражданина. Эти различия и обуславливают особенности применения процессуального принуждения.

В досудебном производстве процессуальное принуждение должно быть достаточным для оперативного установления обстоятельств преступления, в том числе установления лиц, причастных к его совершению и преодолению их возможного противодействия. Соответственно, цель применения процессуального принуждения на досудебном производстве – это обеспечение органам расследования условий для оперативного и качественного раскрытия преступлений и изобличения виновных лиц.

Вместе с тем, если ориентироваться на российское законодательство, раскрытие преступлений – прежде всего не процессуальная деятельность, осуществляемая полицией и оперативно-розыскными подразделениями посредством использования гласных и негласных методов [2]. Признание данного факта ставит перед уголовно-процессуальной наукой концептуально-важный вопрос: если целью полицейской и оперативно-розыскной деятельности является раскрытие преступлений, то каковы цели и задачи предварительного расследования, и тем более, судебного разбирательства? Вряд ли разумно ставить одни и те же задачи для различных видов правовой деятельности.

Учитывая, что в современной правоприменительной деятельности сложилась ситуация, при которой раскрытие преступлений достаточно успешно обеспечивается совместными усилиями оперативно-розыскных органов и органов предварительного расследования, при ответе на поставленный вопрос мы исходим из сформированного в профессиональной среде правопонимания. Тем более что ведомственное нормотворчество не изолирует следователя от остальных правоохранительных органов, а предписывает осуществлять эту деятельность совместно с оперативными сотрудниками органов дознания [3].

Большинство научных работ по указанной проблематике подтверждают необходимость такого сотрудничества [4]. Следовательно, основной задачей предварительного расследования является раскрытие преступлений и изобличение виновных лиц. Соответственно процессуальное принуждение на этом этапе необходимо в объеме, достаточном для преодоления любого сопротивления лиц, попадающих в орбиту деятельности органов расследования. Принимая во внимание, что такое сопротивление вполне реально, процессуальное принуждение должно иметь превентивный характер и применяться «на опережение».

Для судебного производства задача раскрытия преступлений ставиться не может, так как в суд направляются уголовные дела об уже раскрытых преступлениях, по которым установлены лица, виновно совершившие деяния, запрещенные уголовным законом (п. 22 ст. 5 УПК РФ). Согласно положениям ст. 299 УПК РФ суды, осуществляя правосудие по уголовным делам, не раскрывают преступления, а проверяют, насколько обоснованны и справедливы утверждения стороны обвинения о виновности лица в совершении преступления. При таком подходе суд, действуя на основе принципа презумпции невиновности, устанавливает: доказано ли государственным правоохранительными органами, что преступление совершено, что его совершил подсудимый и что он действовал виновно. Это свидетельствует о правозащитном характере судебной деятельности. В этом же уникальность судебного производства и его принципиальное отличие от предварительного расследования, осуществляемого сугубо в правоохранительных целях. Поэтому основной задачей судебных органов всегда будет являться защита прав и свобод лиц, вовлеченных в уголовный процесс. Соответственно этой задаче следует определять и объем процессуального принуждения, применяемого в ходе судебного разбирательства, который должен быть значительно меньше, чем в досудебном производстве и в отличие от него иметь иное качественное содержание, достаточное для обеспечения надлежащего порядка судебного разбирательства [5].

Вместе с тем, специфичность каждой части уголовного процесса – досудебной и судебной, нельзя понимать буквально. Очевидно, что как при предварительном расследовании обязательным является соблюдение и защита прав и свобод человека, так и в судебном производстве следует обеспечивать защиту публичных, общественных интересов. В каждой части уголовного процесса присутствует как правоохранительная, так и правозащитная составляющая процессуальной деятельности. Это объясняется тем, что и в том и в другом случае речь идет о соотношении интересов личности и общества. От того, в чью сторону сделан перевес – личности или общества, и зависит социальная составляющая процесса и непосредственно – его назначение. Следовательно, установление баланса между интересами человека и государства (общества)

в процессуальных отношениях и определяет различия в социальном назначении досудебной и судебной частей уголовного процесса. Так, при раскрытии преступлений баланс в соотношении интересов человека и государства (общества) определяется исходя из приоритета последних, в результате чего допускается ограничение и ущемление прав и свобод отдельной личности, что приводит к существованию таких процессуальных институтов, как задержание, меры пресечения, принудительное осуществление процессуальных обязанностей и т. д. Защищая общественные интересы и обеспечивая их стабильность в сфере правопорядка, законодатель осознанно допускает возможность превентивного ограничения прав и свобод отдельных участников процесса, несмотря на их законопослушность и добросовестность. Другая ситуация в условиях судебного рассмотрения уголовного дела, где при сопоставлении интересов человека и государства (общества), приоритет получают интересы человека. Основу такого положения составляют конституционные принципы охраны и защиты основных прав и свобод человека. Вся конструкция судебного производства строится таким образом, чтобы исключить незаконное или необоснованное ограничение прав и свобод человека, а в случае нарушения – обеспечить их защиту и восстановление.

В этой связи целесообразно обращение к решению Европейского Суда по правам человека, в котором очень точно и емко обозначено правило установления соотношения интересов государства (общества) и личности в публичной сфере, каковым и является уголовный процесс. Так, по мнению Европейского суда, в национальном законодательстве «должен быть установлен справедливый баланс между потребностями, вытекающими из общих интересов общества, и необходимостью защиты основных прав человека... Необходимый баланс не будет достигнут, если заинтересованное лицо (гражданин) несет индивидуальное и чрезмерное бремя» [6]. При этом чрезмерность бремени, понесенного гражданином, по мнению ЕСПЧ определяется требованием пропорциональности вмешательства: «любое вмешательство должно быть не только законным, но и соответствовать требованию пропорциональности». В связи с этим весьма своевременно принято Пленумом Верховного Суда РФ постановления № 41, в котором на основе анализа судебной практики ЕСПЧ и Конституционного Суда РФ даны рекомендации судам при осуществлении правосудия по уголовным делам обеспечивать баланс интересов между государством и частным лицом при применении процессуальных мер принуждения [7].

На основании изложенного мы пришли к выводу о необходимости законодательного регулирования двух типов задач уголовного судопроизводства – правозащитных и правоохранительных:

1) защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод

посредством предоставления каждому участнику возможности реализовать права, предусмотренные уголовно-процессуальным законом;

2) защиту общественных интересов от преступных посягательств, посредством быстрого и полного раскрытия преступлений и уголовного преследования виновных лиц.

Каждая задача раскрывает специфичность процессуальной деятельности на определенных стадиях судопроизводства, и обуславливает необходимость и пределы применения к участникам процессуального принуждения. В своей совокупности эти задачи созвучны социальному назначению уголовного процесса, обеспечивающему с одной стороны защиту прав и свобод отдельных лиц, вовлекаемых в уголовное судопроизводство, а с другой – защиту общества и государства от преступных посягательств.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Смирнов А.А. Уголовно-процессуальные и криминалистические проблемы борьбы с преступностью в современной России // Проблемы противодействия преступности в современных условиях. Уфа: РИО БашГУ, 2003. С. 43–46.
2. Об оперативно-розыскной деятельности: федеральный закон от 12.08.1995 № 144-ФЗ; О полиции: федеральный закон от 07.02.2011 № 3-ФЗ // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: base.consultant.ru/cons/cgi/online.
3. Об организации предварительного расследования в Следственном комитете РФ: приказ Следственного Комитета РФ № 2 от 15.01.2011 г. // Консультант Плюс: справочно-правовая система. URL: base.consultant.ru/cons/cgi/online.cgi?req.
4. Кокорева Л.В. Взаимодействие следственных и оперативно-розыскных подразделений при раскрытии и расследовании карманных краж, совершаемых в общественном транспорте // Российский следователь. 2009. № 16. С. 29–31.
5. Лазарева В.А. Обеспечение явки свидетеля (размышления по поводу ситуации, которая сложилась в связи с рассмотрением уголовного дела об убийстве Юрия Буданова) // Библиотека криминалиста. Научный журнал. 2013. № 3. С. 362–366.
6. Жалоба № 7097/10. Постановление ЕСПЧ по делу «Гладышева против России» от 6 декабря 2011 г. // Официальный сайт Министерства юстиции РФ. URL: minjust.ru/ru/node/2624.
7. Постановление Пленума Верховного Суда РФ № 41 от 19 декабря 2013 г. О практике применения судами законодательства о мерах пресечения в виде заключения под стражу, домашнего ареста и залога // Верховный суд РФ: официальный сайт. URL: vsrf.ru.

DETERMINISM OF STATE COERCION IN CRIMINAL PROCEEDINGS

© 2017

S.I. Vershinina, candidate of Law Sciences,
associate professor of criminal procedure and criminalistics
Togliatti State University, Togliatti (Russia)

Keywords: criminal-procedural coercion; law-enforcement nature of criminal procedure; human rights the essence of the criminal process; tasks of the criminal proceedings; limits of application of procedural coercion.

Abstract: The article examines the relationship between the tasks of criminal proceedings and the application of measures of procedural coercion. The conclusion is the institutionalization of two types of tasks of criminal proceedings: law enforcement and human rights, each of which has a specific impact on the determination of the scope and content of procedural coercion, both at pre-trial and court proceedings.